

Katarzyna Martyniuk

**Контекст *gender studies* при рассмотрении понятия
родины в творчестве Василия Аксенова**

ABSTRACT

The following article takes up the notion of homeland in the works of Vasily Aksenov. In the article it was shown that in the writer's value system the homeland plays an important role. Rodina was considered key in *gender studies*. Analyses have demonstrated that Russia – is a symbol of the Mother, the USSR – is a symbol of her stepmother. The writer accuses the motherland that it has allowed to deprive their citizens of their freedom, particularly freedom of speech. The article also presents Aksenov's attention to a small homeland – Kazan, the city of the writer's childhood.

Keywords: Vasily Aksenov; Russian literature; homeland; small homeland

Ось системы ценностей в произведениях Василия Аксенова – свобода. Эта категория влияет также на способ определения дефиниции родины в творчестве писателя. Рассматривая вопрос России, писатель различает два понятия: государство и родина. В этой статье мы попытаемся показать, как автор оценивает родину, которая связана с русской традицией, культурой, религией и народом. Но прежде чем мы приступим к анализу представленных тезисов, в начале рассмотрим общее определение *родины*. В энциклопедическом определении понятия *родина* преобладает мнение, что родина является страной, в которой человек родился, провел большую часть своей жизни, в

которой он живет, или с которой он чувствует сильную эмоциональную связь (несмотря на пространственное расстояние)¹. В настоящее время значение термина *родина* рассматривается также в социологическом ключе. Станислав Оссовский разграничивает два типа *родины* – родину идеологическую и частную². Идеологическая родина одинакова для всех, и связана со всей нацией. «*Moja ojczyzna w ideologicznym znaczeniu to ziemia mojego narodu*»³ – утверждает С. Оссовский. Исследователь подчеркивает также важность концепции частной родины, смысл которой «*opiera się na bezpośrednich przeżyciach jednostki względem ojczystego terytorium i na wytworzonych przez te przeżycia nawykach*»⁴. Эти привычки обуславливают также эмоциональное отношение человека к родине, возлагая на него обязанность эмоциональной привязанности к частной родине. Тяжелый опыт расставания с родиной, столь болезненный для многих писателей, следует связывать не столько с пересечением государственной границы, а скорее с покиданием частной родины, конкретного места, пространства, с которым человек установил особую связь⁵.

В России родина – среди многих коннотаций – ассоциируется также с символом Матери. Эмоциональное отношение к родине сравнимо с чувствами, испытываемыми к матери. Духовная связь с Матерью является элементом так называемого общественного бессознательного. Поэтому ее символическое воплощение в

¹ *Nowa encyklopedia powszechna PWN*, (1985): Warszawa: PWN, с. 357; Szlachta B., ред., (2004): *Słownik społeczny*, Kraków: Wydawnictwo WAM, с. 801.

² Кłoskowska A., (1996): *Kultury narodowe u korzeni*, Warszawa: PWN, с. 53. Ср. Ossowski S., (1984): *O ojczyźnie i narodzie*, Warszawa: PWN, с. 20.

³ Ossowski S., (1984): *O ojczyźnie i narodzie...*, с. 26.

⁴ Там же, с. 26-27.

⁵ Оссовский определяет частную родину также как: «*bezpośredni stosunek osobisty, przywiązanie do środowiska, w którym spędziło się życie albo część życia, czy wreszcie okres szczególnie podatny na tworzenie się trwałych więzi emocjonalnych, przede wszystkim okres dzieciństwa*», одновременно подчеркивает, что родина, рассматриваемая в таком ключе, не ограничивается территорией. Ср. Ossowski S., (1984): *O ojczyźnie i narodzie*, с. 26.

образе Родины-Матери имеет глубокие корни в русской культуре⁶. Мыслитель Мирча Элиаде в своих работах много места посвящает рассмотрению Земли как Матери, подчеркивает плодородность земли и отождествляет женственность земли с материнством. В свою очередь в русской философской мысли материнство тесно связано со святостью, поэтому символ Родины-Матери переопределяется в символ святости. В следствие чего земля – родина является воплощением духовной силы народа. Истоки такого восприятия можно искать в средневековых верованиях об особой связи Богородицы и русской земли, о том, что Русь является домом Божьей Матери. Поэтому многие философы, например, В. Розанов, Н. Бердяев⁷, В. Соловьев, С. Аверинцев⁸, писали о «Матушке-Руси», «Святой Руси», «Вечной женственности». Здесь выразительно возникает необходимость подчеркнуть, что именно мировая и российская философия побуждают к рассмотрению образа России в творчестве Василия Аксенова в ключе *gender studies*, а в особенности женского характера русского национального самосознания⁹.

Романы *Ожог*, *Московская сага*, *Новый сладостный стиль* – это произведения, в которых показано продолжение традиции

⁶ Истоки этого явления исследователи усматривают в дохристианской Руси, в фольклоре, в мифах и различных обрядах. Подчеркивается также сильная эмоциональная связь россиян с Матерью-Родиной, Матерью-Землей, ср.: Lazari de A., ред., (2001): *Idee w Rosji*, т. 4, Łódź: Ibidem, с. 594.

⁷ Бердяев Н., (2000): *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России*, Москва: Издательство В. Шевчук, с. 291-292.

⁸ Аверинцев С., (1988): *Византизм и Русь: два типа духовности*, „Новый мир” 1988, № 7, с. 210-220; См. также: Брода М., (1998): *Понять Россию?*, Москва: Диалог-МГУ; Клибанов А., (1996): *Духовная культура средневековой Руси*, Москва: Издательский дом: Аспект Пресс; Платонов О., (2002): *Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское государство*, Москва: Институт русской цивилизации.

⁹ Многосторонние рассуждения о России в этом аспекте вел О. Рябов. Ср. Рябов О., (2000): *«Россия-Сфинкс»: Гендерный аспект западного образа «таинственной русской души»*, [в:] *Гендер как интрига познания*, ред., А. В. Кирилина, Москва: Издательство Рудомино, с. 36-46; Рябов О., (2001): *Матушка – Русь*, Москва: Ладомир.

восприятия России как существа женского пола. Эту традицию определяют элементы, позволяющие многозначительно интерпретировать ее характер, но с преобладанием презрительной, иронической (а иногда и сострадательной) позиции автора по отношению к своей родине. Е. Зубарева отмечает, что Аксенов, а также многие другие писатели эмигранты 70-80-ых годов, относятся к теме родины России – матери и мачехи¹⁰. В двойственном отношении к стране, которая рассматривается как родина, в творчестве Аксенова особенно четко обозначается глубокий раскол между изображением России – воспринимаемой как символ культуры, традиции, из которой растут герои, и советским государством, которое, из-за своей системы обижало людей, что было особенно ощутимо для тех, кто искал свободу, кто нуждался в свободе как элементу необходимому для собственного развития. Крайне важно, чтобы рассматривать обе ипостаси России в традиционном понимании: России – Матери и России – Мачехи, при чем, нужно помнить, что Россия, которая превращается в СССР становится мачехой. Такое превращение произошло вследствие существующей политической системы, действий органов государственной власти по отношению к нации и отдельным лицам – в частности, ограничения свободы творчества.

Василий Аксенов многие вины приписывает Советской России. Произведением, иллюстрирующим такие взгляды писателя по отношению к СССР, является *Ожог*. В этом произведении ни рассказчик, ни персонажи не принимают нынешнего состояния России. Роман – это поэтизированное обвинение палачей, разрушающих судьбу всей нации, это также обвинение, направленное против самого государства. Виной за все страдания рассказчик обременяет Степаниду Властьевну – которая представляет собой метафорический образ Советского

¹⁰ Об этом явлении пишет, например, Зубарева Е., (2000): *Проза русского зарубежья (1970-1980-е годы)*, Москва: Издательство Московского университета, с. 45-46.

Союза. Так что, если в произведении есть упоминания о родине, то, как правило, уничижительные, пренебрежительные, иногда с оттенком сожаления: «Родина скреблась голыми сучьями в окна детприемника. О какое серое, какое сырое небо у моей Родины!»¹¹. Основные упреки, делаются Советской России и заключаются в следующем: молчаливое согласие на жестокость, совершенную советской властью – нарушение прав человека: право на свободу мысли и слова, право на интеллектуальное развитие, угнетение творческой молодежи (Аксенов 2009: 473), согласие на уничтожение семьи, и что с этим связано – страдания детей в детских домах, разрешение на функционирование офицеров-преступников (Аксенов 2009: 334), непрерывная слежка за членами общества, пытки. Повторяющиеся упреки сводятся к тому, что родина и смиренная, и жестокая одновременно (Аксенов 2009: 422).

Несогласие героя с таким развитием событий, неспособность одобрения жестокости и подавляющей несвободы – причины из-за которых герой хочет покинуть страну, так как, по мнению героя, только в эмиграции может сохранить личность – «(...) личностью может быть только тот, кто убежит» (Аксенов 2009: 136).

Характеризуя Россию, писатель использует термины, символизирующие различные типы женщин: мать – Мать Россию (Аксенов 2009: 93), плотскую женщину, женщину легкого поведения (Аксенов 2009: 127, 421). Писатель использует также намеки, коррелирующие непосредственно с телесностью женщины – определение менструального цикла России и сочетание его с датой 8 марта: «На самом деле снаружи был Женский день Восьмое марта, менструальный цикл страны, и из низких брюхатых туч на Кремль валилась снежная слякоть...», (Аксенов 2009: 127). Применение названных сравнений или намеков, ссылки на биологию женского тела является как постоянным подтверждением подлинной женственности России,

¹¹ Аксенов В., (2009): *Ожог*, Москва: Эксмо, с. 421.

так и доказательством ее изменчивости – Россия превращается в семантически очень далекие образы женского статуса *русскости*. Используя такие разнообразные определения, относящиеся к Родине – мать, любовница, или даже проститутка – автор указывает на широкий спектр чувств, выраженных по отношению к России. Насмешливая и ироничная презентация России является выражением своеобразной игры с русской традицией.

В описании Родины была применена персонификация и метафорические соединения семантически далеких выражений. Благодаря такому приему были выражены двойственные чувства любви и ненависти к родине, а также бунт и смирение как героя, так и страны:

Моя Родина не дерзновенна. Она хоть и жестока, но смиренна. Она дышит через рот, у нее аденоиды, заложенные сталинизмом ноздри, на ее прекрасном, как купола Троицкой лавры, лбу имеются прыщи. Моя Родина схватится на палубе в смертельной борьбе. Моя Родина хочет удрать от себя в Америку. Я не хочу удирать! Я поворачиваюсь с боку на бок – из прошлого в будущее. Не увозите, не увозите, не увозите меня в Америку! (Аксенов 2009: 422).

Общий смысл романа *Ожог* позволяет считать, что гнев, злость, горечь, вытекающие из высказываний героев романа, и направлены в сторону России – это проявление естественного гнева к родине, которая героям небезразлична. Приведем высказывания о России, которое в интертекстуальных вкраплениях отсылают нас к Блоку:

– Ну, что касается нашей красавицы, то ей нет нужды вспоминать о такой ерунде, как отрезанные уши. Кастрация, трепанация, неумелые швы, грязь, нагноение, сукровица – вот наши дела. И все-таки... «люблю отчизну я, но странную любовью»¹²... «какому хочешь чародею...»¹³, «о Русь моя, жена моя...»¹⁴ и так далее. Понимаешь ли, я ее люблю (Аксенов 2009: 135).

¹² Цитата из стихотворения *Родина* М. Лермонтова (*Родина, 1841*). Стихотворение стало символом искреннего патриотизма, выражающего личное, индивидуальное отношения к родине. См. Лермонтов М., (1957): *Избранные произведения*, т. II, Ленинград: Лениздат, с. 104.

Используя достижения русской поэзии, используя стихотворения, укорененные в сознании россиян, автор посредством героев подчеркивает как свое собственное существование в русской культуре, так и раскрывает специфический тип патриотизма. Принимая во внимание время написания произведения 1969-1975 гг., его значение приобретает еще больше смысла, потому что автор не показывает патриотизма безукоризненного и безоговорочного. Этот патриотизм перенасыщен буйностью, наглостью и безусловной правдивостью.

Важной особенностью творчества Аксенова является также антропоморфизация земли, понимание ее как матери всех людей, всего живого. Описания природы (особенно неба) символизируют верность, память и сообщество. В природе скрыта история некоего коллектива. Аксенов, несмотря на прочную связь с городским пространством, был также чувствителен к ландшафту. Лаконичные описания дорог, древостоев, зданий – отражают культуру данной территории. Они стали неотъемлемой формой *памяти культуры*. Тем не менее, например, герой романа *Новый сладостный стиль* не ограничивается только записью пространственных, слуховых и зрительных впечатлений. В произведениях Аксенова высокое значение придает пейзажу вопрос *локальной родины*. Пейзаж становится здесь родиной и хранителем национальной памяти, так как в нем были сохранены воспоминания и история родины. Несмотря на расстояние (эмиграция) герой сохраняет постоянную духовную связь с родиной. Стоит отметить, что персонажи прозы Аксенова реагируют также на другие раздражители, например, воспоминания о России могут быть вызваны голосом, звуком, запахом. Как пример можно привести

¹³ Цитата из стихотворения А. Блока *Россия (Россия)*, См. Блок А., (1964): *Лирика*, Москва: Художественная литература, с. 89.

¹⁴ Это выражение почерпнуто из стихотворения входящего в состав цикла *На поле Куликовом* А. Блока. См. Там же, с. 81.

сцену, в которой представлена реакция Александра Корбаха на голос женщины – Ширли вызывает воспоминания о русском театре, а поездка на поезде является стимулом к воспоминаниям о небе над родиной¹⁵.

Удалить барьеры времени возможно лишь благодаря памяти. Для эмигрантов именно память является главным фактором, влияющим на структуру представленного мира, как память человека-единицы, так и историческая память – память целого народа. Россия, с точки зрения эмигрантов третьей волны эмиграции, была связана с понятием свободы (и ее отсутствия), как в физическом, так и в психологическом плане. Точнее, духовная свобода, возникающая на основе творческой личности и таланта, репрессированная тоталитарной системой, вызвала стремление к свободе, в частности к свободе слова. Герои произведений Аксенова также стремятся к свободе.

Рассматривая взгляд Аксенова на понятие родины в культурном ключе, можно несомненно сказать, что Россия является для него знаком, символом, колыбелью культуры. Несмотря на многочисленные травматические испытания и переживания, герои его романов идентифицируют себя с русской культурой. Особенно четко отображается это в облике героя *Нового сладостного стиля* – Александра Корбаха. Персонаж постоянно возвращается к теории выдающегося режиссера Константина Станиславского, вернее стремится к достижению такого уровня в искусстве режиссуры, какой представлял К. Станиславский или Всеволод Мейерхольд (коннотации с Юрием Любимовым), он вдохновленный бард, как Владимир Высоцкий, а также обращается к скрытым значениям воды (Андрей Тарковский). Любые сравнения, какие делает герой, сравнивая достижения российских и западных художников, всегда заканчивается результатом в пользу российской культуры. В эмиграции Александр отрезан от роли режиссера, впадает в

¹⁵ Аксенов В., (2005): *Новый сладостный стиль*, Москва: Эксмо-Пресс, с. 146; 160.

депрессию, его душа требует контакта с русским театром: «Театр, что мне делать? В ноги, что ли, пасть перед Степанидой Властьевной, изрыдаться: дай сдохнуть в театре!» (Аксенов 2005, *Новый сладостный стиль*: 147). Здесь стоит отметить, что персонаж Александра Корбаха интерпретируется как общий образ русской интеллигенции 60-ых. В дополнение к тоске по доскам московского театра герой выражает тоску по особой атмосфере художественной Москвы тех лет. Русский след, а именно отождествление России с колыбелью культуры, появляется в ретроспективных кадрах романа *Ожог*. В конкретно определенное настоящее время, самое близкое к 60-70-ым гг. XX века, Россия (или, вернее, СССР) является пространством, в котором происходит деградация культуры в ее официальном русле. Писатель, диагностируя состояние русской культуры, представляет восхваление прошлого и, одновременно, снижает ценность настоящего, при чем дает разрушительную оценку наследия советской эпохи. Русская культура является также определителем *укоренения* героя романа *Новый сладостный стиль* – Александра Корбаха. В поисках корней и самосознания герой признает Россию наиболее важным компонентом, формирующим его личность. Герой гордится тем, что он русский, в то же время стремится проникнуть глубже в тайны своего происхождения, пытается выяснить важность еврейской генеалогии и ее влияние на свое самосознание.

Среди картин России в романах Аксенова есть также понятие маленькой родины, которой олицетворением является Магадан – место, связанное как с биографией писателя, так и с судьбой героев его романов (*Ожог*, *Московская сага*). В роли маленькой родины появляется также Казань – родной город писателя, который связан с его ранним детством. Однако, в своем творчестве, этим пространствам автор посвящает мало места. В рассказе *Три шинели и Нос*, Казань *explicite* был назван маленькой родиной. Рассказчик обвиняет этот город, как и всю Россию, в измене – роман *Ожог*: «Малая родина склонна к предательству

не менее, чем большая (...)»¹⁶. Казань в *Московской саге* появляется как родной город одного из персонажей – *alter ego* писателя, представлена как маленький, старый, пахнущий стариной городок, со следами былой роскоши времен *прекрасной эпохи*. Рассказчик согласен с мнением В. Маяковского о Казани, которое приводит в качестве подведения итогов: «какая уж там Казань, о которой певец Города Владимир Маяковский не нашел ничего лучшего сказать, как только: «Старая, коса, стоит Казань...»»¹⁷. Данная цитата показывает иронический взгляд на маленький городок, однако, во фрагментах касающихся джазовых концертов Казань приобретает положительную оценку, как пространство предоставляющее возможность контакта с высоко оцениваемой музыкой. В произведении *Ленд-лизовские* писатель возвращается в Казань. В романе он представляет, мемуарный материал основанный на опыте детства, посредством повествователя детально показывает топографию города, указывает названия улиц, кино, и т.п. Самые интересные фрагменты, касающиеся описаний города, это наблюдения представленные с точки зрения ребенка:

Если уж что-нибудь и запомнилось ребенку из варварского детства, это были скособоченные хибары болгарского жилого фонда, перекошенные лестницы, гнилое дерево, лампочки на голом проводе, сортирные будки во дворах. Попова Гора вообще-то вся выглядела на этот лад, и мальчика при виде горбатой улицы, отчасти напоминающей останки не до конца откопанного динозавра, двора, воплощающего свалку нечистот, комнаты, где сидит одинокая, каменная от горя еврейка, охватывали несусветная тоска и протест¹⁸.

Этот отрывок является лишь попыткой представления общей атмосферы города – бедного и запущенного. В романе писатель отдает особую ауру города. Он использует поэтические описания детских и подростковых воспоминаний. Атмосферу передает с

¹⁶ Аксенов В., (2005): *Три шинели и Нос*, [в:] *Зеница ока. Вместо мемуаров*, Москва: Вагриус, с. 255.

¹⁷ Аксенов В., (2005): *Московская сага*, т. 3, *Тюрьма и мир*, Москва: Эксмо, с. 35.

¹⁸ Аксенов В., (2010): *Ленд-лизовские. Lend-leasing*, Москва: Эксмо, с. 81.

помощью использования особого стиля разговорной речи, языка улицы, что отразилось на герое произведения, в то время как в незаконченной второй части – заключает Виктор Есипов – появляются неологизмы в стиле Хлебникова, фразы, относящиеся к другому, фантастическому миру¹⁹.

В заключение следует подчеркнуть, что данная статья не исчерпывает, а лишь указывает на те аспекты, которые можно в будущем исследовать, анализируя творчество В. Аксенова и представленную в нем Россию в *гендерном* ключе.

Библиография

- Eliade M., (1994): *Ziemia-Matka i hierogamie kosmiczne*, [в:] *Mity, sny i misteria*, пер. К. Косжан, Warszawa: Wydawnictwo KR, с. 165 – 200.
- Kłoskowska A., (1996): *Kultury narodowe u korzeni*, Warszawa: PWN.
- Lazari de A., ред., (2001): *Idee w Rosji*, т. 4, Łódź: Ibidem.
- Nowa encyklopedia powszechna PWN*, (1985): Warszawa: PWN.
- Ossowski S., (1984): *O ojczyźnie i narodzie*, Warszawa: PWN.
- Szlachta B., ред., (2004): *Słownik społeczny*, Kraków: Wydawnictwo WAM.
- Аверинцев С., (1988): *Византия и Русь: два типа духовности*, „Новый мир” 1988, № 7, с. 210-220.
- Аксенов В., (2005): *Новый сладостный стиль*, Москва: Эксмо-Пресс.
- Аксенов В., (2005): *Три шинели и Нос*, [в:] *Зеница ока. Вместо мемуаров*, Москва: Вагриус.
- Аксенов В., (2009): *Ожог*, Москва: Эксмо.
- Аксенов В., (2010): *Ленд-лизовские. Lend-leasing*, Москва: Эксмо.
- Бердяев Н., (2000): *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России*, Москва: Издательство В. Шевчук, с. 291-292.
- Блок А., (1964): *Лирика*, Москва: Художественная литература.
- Брода М., (1998): *Понять Россию?*, Москва: Диалог-МГУ.
- Есипов В., (2010): *Последний старт Василия Аксенова*, [в:] Аксенов В., *Ленд-лизовские. Lend-leasing*, Москва: Эксмо, с. 11-18.
- Зубарева Е., (2000): *Проза русского зарубежья (1970-1980-е годы)*, Москва: Издательство Московского университета.

¹⁹ См. Есипов В., (2010): *Последний старт Василия Аксенова*, [в:] Аксенов В., *Ленд-лизовские. Lend-leasing*, Москва: Эксмо, с. 16.

- Клибанов А., (1996): *Духовная культура средневековой Руси*, Москва: Издательский дом: Аспект Пресс.
- Лермонтов М., (1957): *Избранные произведения*, т. II, Ленинград: Лениздат.
- Платонов О., (2002): *Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское государство*, Москва: Институт русской цивилизации.
- Рябов О., (2000): „*Россия-Сфинкс*”: *Гендерный аспект западного образа „таинственной русской души”*, [в:] *Гендер как интрига познания*, ред., А. В. Кирилина, Москва: Издательство Рудомино, с. 36-46.
- Рябов О., (2001): *Матушка – Русь*, Москва: Ладомир.